

Солдатские награды – два ордена Красной Звезды, медали “За отвагу”, “От благодарного афганского народа” и другие – на кителе у старшего прапорщика ВДВ Олега Гонцова за Афганистан...

Горы, пустынные пространства, камни и кишлаки, жара и ледяной холод, друзья и враги, предатели, перебежчики и те, кто вешал на грудь незаслуженные медали и ордена. На войне процветали те же пороки, что и в мирной жизни, только усиленные реальной опасностью, проходившие по границе между жизнью и смертью, славой и позором, любовью и ненавистью.

Память “афганца” не сожгли ни презрение чиновников, встречавших на Родине, ни некоторые журналисты, очернявшие в газетах и телевизионных передачах советских воинов, ни те, кто неумело снимал кино и писал книги про Афган. Память сохранила истину, которую осознавали еще там, видели своими глазами, которая была окровавленной тельняшкой на груди у друга, афганским песком скрипела на зубах, звенела в контуженной голове и болела под шрамами, оставленными осколками.

И горькое, и смешное, и трагическое, и радостное... Как листья с разных деревьев сметает ветер в один шуршащий холм, так и все воспоминания слились в одно слово – “АФГАН”.

РОСТОВСКИЙ “АФГАНЕЦ”

В учебке ВДВ в Гайжунае в роте возле тумбочки дневального стоял негр. Самый настоящий, черный, с пухлыми губами. Олег замер, разглядывая его. А дневальный вдруг хриплым голосом спросил:

– Мужики, у вас закурить есть?

Еще не изучивший устава и не знаящий, что делать этого категорически нельзя, Олег угостил темнокожего парня сигаретой. Тут же чьи-то широкие ладони обхватили его голову сзади и повернули, почти подняв над землей. Перед Олегом стоял могучего телосложения сержант.

– Ты откуда, курок?!

– Из Ростова, – пытаясь поднять глаза на сержанта, отозвался Олег.

Сержант радостно потряс его за голову:

– Земеля! А я из Новочеркасска.

Перед этим новоприбывших построили в спортзале, и взводный Сергей Шкуров спросил:

– Кто хочет в разведку?

– А что там делать, в разведке? – Олег, как всегда, лез с воп-

росами. За свой язык он то и дело во время службы получал наряды вне очереди.

– Бегать! Бегать, как собаки, – забасил в ответ здоровенный сержант.

– А где не надо бегать?

– Наводчики-операторы не бегают. Их возят.

– Тогда пойду в наводчики.

Олег угодил-таки в разведку, лишний раз убедившись, что судьбу не обманешь. Его отец, полковник ВДВ, ветеран Великой Отечественной войны, заканчивал свою службу в разведуправлении Северо-Кавказского округа. Мечтал о том, что сын поступит в воздушно-десантное училище, но Олег с железным юношеским упорством воспротивился и даже несколько лет из-за этого был с отцом в ссоре. Однако на срочную службу в 1980 году его призвали именно в воздушно-десантные войска.

“Бог создал рай, а черт – учебку Гайжунай” – придумали поговорку десантники. Учили в учебной дивизии на совесть, выпускали высококлассных специалистов – командиров отделения, механи-

ков, наводчиков, саперов, зенитчиков, минометчиков, сапинструкторов.

После раннего подъема и бесконечных пробежек Олегу и его товарищам начало казаться, что учат их здесь не так, как надо. Убедились в обратном, только оказавшись на войне. Там и прыгать, и бегать, и таскать тяжести пришлось сотни и сотни раз...

В учебке никакими хозработами десантников не грузили. Единственное, что делало дежурное подразделение – убирало снег с плаца. Снежная Литва заставила потрудиться. Случалось, что послеочных стрельб или тактических учений, вернувшись в три часа ночи и улегвшись в четыре спать, в пять уже надо было вставать. Огромными скребками счищать снег. А вставать так не хотелось! Замполит забегал в роту с почти классической фразой:

– Спите, сволочи?! А Родину снегом заметает!

Романтический настрой, который еще некоторое время кружил голову, улетучился довольно быстро. Олег всегда настраивал себя

так, что в жизни нигде и никогда не будет тратить время попусту, тем более в армии. Пришел служить – надо служить на совесть. Учиться всему, чему учат.

Не всегда учение приходилось по душе. Особенно когда кто-то из командования выдвинул лозунг: "Десантник должен пройти пятьсот километров за зиму на лыжах!" А откуда в Краснодарском крае или Ростовской области снег, он не подумал. Олег никогда не катался на лыжах, не научился и в армии. Зато он добросовестно научился бегать с лыжами, взяв их под мышку. Иногда ему удавалось доскакать таким образом быстрее остальных.

Почти все одногодки, оказавшиеся с Олегом вместе в учебке, отправились служить за границу – в Чехословакию, Германию, Монголию. Двенадцать человек, в том числе и Олега, отправили в Афганистан. Никто из них не писал рапорт о добровольном желании попасть туда, и тем не менее...

О войне они ничего толком не знали, хотя уже тогда до них доносились отголоски Афгана. На одной из вечерних поверок сообщили о гибели сержанта прошлого призыва. Почтили его память, и только. Война еще была от них далеко и уже смертельно близко.

Сначала их привезли на зимние квартиры 103-й Витебской дивизии ВДВ. А потом отправили в Кабул через Ашхабад. В Кабул они прилетели ранним утром. Десантников построили на летном поле, а напротив выстроились загорелые, возмужавшие дембеля, улетавшие домой тем же самолетом. Они не рассказывали ничего, они не отнеслись к новичкам снисходительно, просто искали своих земляков, переговаривались, шутили.

Десантники дислоцировались у министерства обороны Афганистана, неподалеку от дворца. Рядом стояла 37-я афганская бригада. Достаточно быстро Олег освоил местный разговорный язык, и из-за этого на него стали подозрительно коситься офицеры особого отдела.

Ротный Дымов, прилетевший из Кировобада чуть позже своих

подчиненных, сразу настроил юных сержантов на нужный лад:

– Учитесь командовать. Вы – сержанты. Иначе снимут лычки, будете обычными бойцами. Командовать, конечно, непросто. Не все бойцы ваши ровесники. Во взводе больше половины – дембеля. Как поставите себя, так и пойдет.

Где с ростовским колоритным юморком, где повысив голос до нужных командирских высот, Олег справился и подход к бойцам все-таки нашел.

В роте был некомплект офицеров. В боевых ротах в Афганистане это превратилось в правило, из-за потерь. Взводным у Олега был старший сержант Анатолий Кугергин.

Официально войны не было. Нашим солдатам и офицерам выдали афганскую форму, во всех газетах писалось, что советские воины участвуют в совместных учениях, субботниках, школы строят, деревья сажают.

Газетчиков, писавших о дружном строительстве школ в Афганистане, надо было бы доставить в кишлак Махмуд-Раки на развалины школы, от которой остались одни руины после ожесточенного боя наших десантников с душманами...

В начале 80-х годов в Афганистане действовали многочисленные и хорошо вооруженные бандитские группировки. Столкновения с ними советских войск перерастали в ожесточенные бои. Прочесывание районов, где скрывались банды, поиски скрывающихся и главарей душманов выманивали бойцов длительными маршрутами до места поиска, засадами, на которые то и дело напарывались десантники, заминированными участками, попадавшимися на пути. Неизвестно, что было тяжелее – многокилометровые марши или боестолкновения.

В одно из таких прочесываний заданного района разведрота десантников попала на кукурузное поле. Олег со своим взводом долго бродил среди зарослей кукурузы, когда вдруг на него вышел душман. Это был первый враг, которого Олег увидел на войне.

В безрукавке, с поясом, заполнен

ненным патронами, с ружьем. Он остановился метрах в десяти от Олега. Толя истощенно закричал: "Стреляй!" И Олег выстрелил, вернее, за три секунды выпалил весь магазин. Несколько пуль попало в духа, остальные ушли в стороны.

Ни оцепенения, ни испуга в тот момент Олег не почувствовал. Это все пришло позже, когда взвод вышел к бронегруппе. "Он бы тебя запросто..." – сказал Толик. Одно мгновение – и пустота, бесконечная, пугающая. Это мгновение на кукурузном поле застыло в памяти навсегда.

Несмотря ни на что, служба в разведроте была по душе, хоть и выматывала, вынимала душу бесконечной физической и моральной усталостью. Олег бы не променял ее ни на какую другую. У разведчиков время летело быстро. Приехали, уехали, боевые выезды, новые кишлаки. Но работа тех, кто служил не в разведке, не были десантниками там, в Афганистане, была не менее важной и нужной.

Один из товариществ Олега охранял Саланг. Он пробыл там два года. Духов видел издалека, иногда бойцы перестреливались с душманами на расстоянии пятисот метров. Стояли на посту по четыре часа, а через четыре часа отдыха снова шли на пост. Холод и однобразие выматывали не меньше, чем длительные марши, полные опасностей, засад и боестолкновений. Что они там видели? Камни и пост, бесконечные потоки колонн, обстрелы и вши...

Работа солдат в рембате напоминала работу заключенных. Они за колючей проволокой с утра до вечера крутили гайки, с грязными руками и физиономиями. Бились за выполнение плана.

Летом 1982 года, когда служба Олега и его товариществ подходила к концу, в Афгане, "где не было войны", погиб Александр Байбарак и был ранен Анатолий Довгань из их взвода.

В том бою Олег впервые увидел, как воюют наемники. Это были, кажется, французы. Он понял, как непросто с ними тягаться в бою. Бараки-Барак – там находилась база душманов, их госпиталь и там находились наемники.

У Олега в автоматном магазине оставалось четырнадцать патро-

нов. Ротный Дымов сидел рядом и буднично сказал:

— Это жизнь. Если сейчас они не успокоятся, придется нам идти в штыковую.

Но в штыковую идти не пришлось. Наёмники ушли. Олег видел в бинокль, как они уходили. Один из них для остракти постремил из автомата. Другой нес в правой руке транзистор, из которого доносилась музыка, в левой он нес кепку, заполненную туточником. Слушал музыку и кидал в рот сладкие ягоды. Воевали наёмники в джинсах, кроссовках, кепочках — налегке, и воевали они легко.

Наёмники действовали парами, и это тоже давало им заметное преимущество. Наши бойцы по чьему-то "умному" приказу работали тройками. Причем такие тройки, в состав которых входили так называемые дембель, "годок" и боец, прослуживший полгода, Олег назвал рассадником "дембелизма" — так он обозначил для себя проявления "дедовщины". Кроме неуставных отношений, боевая тройка была просто-напросто нефункциональна. Во время реального боя боец мог контролировать действия только одного напарника и прикрывать его. Третий выпадал из поля зрения, в результате терялась мобильность всей группы.

Однако в какой-то момент Олега перестали волновать и наёмники, и прочесывание местности во время спецопераций, и все осталось, потому что он сам незаметно для себя превратился в дембеля и готовился к отъезду домой. Но после подрыва и контузии угодил в лазарет.

Приближался день рождения Олега, и отмечать его на больничной койке было совсем уж грустно. Но друг, сослуживец по срочной, не оставил Олега одного в этот день. В четыре часа утра он притащил целый противень жареной картошки в палату. До 1982 года наших бойцов кормили в Афгане картофельным концентратом. И когда привезли настоящий картофель, но еще не начали выдавать бойцам, друг достал для Олега несколько картофелин и преподнес самый дорогой по тем временам подарок.

Годы спустя, когда на Родине друзья собирались вместе за богатым столом, ели шашлыки, овощи, фрукты и картошку, Олег вспоминал именно ту картошку в больничной палате и друга, тоже изголодавшегося по нормальной еде, отказывающегося съесть хоть кусочек, настойчиво скармливая все имениннику.

Дома, в Ростове-на-Дону, Олег смог пробыть недолго. Он понял, что в Афганистане был на своем месте, был нужен. Дома вернувшись с войны солдат и офицеров не признавали ветеранами. И слышать не хотели об их проблемах и вообще об этой войне.

Ходить в кафе и на дискотеки, предаваться радостям мирной жизни оказалось совсем не в радость, зная, что война продолжается и что новобранцы улетают в Кабул и так же выстраиваются напротив улетающих повоевавших ребят, смотрят им в глаза и переполняются осознанием, что никто, кроме них, пусть и на чужой земле не сможет восстановить порядок, и чувство повышенной справедливости проникло в душу. Именно это чувство стало главной составляющей "афганского" синдрома, который не признавали долгое время так же, как существование ветеранов афганской войны.

В эти же дни сомнений и принятия решения о своей дальнейшей судьбе до Олега дошло известие, что погиб его ротный Дымов. Когда он со своими бойцами оказался в одном из бесчисленных афганских ущелий, и духи стали забрасывать их гранатами, Дымов лег на гранату, чтобы закрыть своих ребят от осколков. Дымова представили к званию Героя Советского Союза.

Олег поехал в Москву, встретился там со своим бывшим комбатом, и тот рассказал, что объявили экспериментальный набор в школу прапорщиков. Учили почти год и выпускали высококлассных специалистов.

В 1984 году Олег вернулся в Афганистан прапорщиком и старшиной роты. Задачи стояли все те же. Уничтожение бандформирований, обнаружение схронов с боеприпасами. Некоторые операции проводились только силами десантников, другие операции были ар-

мейскими, к тому же совместными с афганскими военными. Во втором случае хватало неразберихи и обстрелов своих своими же войсками и авиацией.

Так случилось в 1986 году на Нангархаре. Десантников высадили в районе работы и предупредили, что в этом районе, кроме них, советских войск нет. Прежде чем высадить десант, вертушки делали несколько ложных посадок, включая реверс, несколько таких посадок они совершали и после высадки. Духи слышали вероятные места высадки, но точно не могли их определить.

В районе предполагаемого прохода каравана перед рассветом десантники сели в засаду между камнями. Начало светать. С тропы раздался шум, бряканье железа о камни, громкие шаги. Олег по радио сказал взводному: "Серега, не стреляйте, это не духи". Душманы с таким грохотом не ходят. Но когда десантники крикнули: "Эй, мужики, не стреляйте, мы свои!" — на них обрушился ураганный огонь. Пока Олег не выложил весь свой запас ненормативной лексики в адрес группы, пришедшей в засаду, стрельба не прекращалась.

Оказалось, что роту 180-го полка точно так же предупредили, что в районе Нангархара, кроме них, никого из своих не будет. Еще чуть-чуть — и две роты расстреляли бы друг друга.

В СССР опровергали информацию о том, что свои вертушки обстреливают своих же. А роту, где служил Олег, накрыл "миг" кассетными бомбами. Взвод Евгения Филиппова весь был покалечен. Когда в роту привезли капитана, пилота этого "мига", он только и мог сказать: "Ребята..." — и руками развести. Скорость у "мига" огромная, огромная высота, а стоит задача обработать район по квадратам и тоже сказано, что в районе своих нет. Разведчики должны были только через сорок минут десантироваться. Но где-то произошла накладка. После первого круга, который сделали "миги", десантников высадили, а те пошли на второй круг, сбрасывая смертоносный груз.

Примерно так же произошло и со взводом Олега. Их высадило первое звено вертолетов и пошло

дальше вдоль земли. А другое звено вертолетов, высаживавших бойцов на другой площадке, вернулось и увидело фигурки разведчиков. Приняв их за душманов, они добросовестно отработали по ним из пулеметов.

Олег только разложил карту на камне, чтобы сориентироваться, когда первая пуля попало точно в карту. Но Олега уже в этот момент у карты не было. Без проворства не уцелеть на войне. Он успел спрятаться за камнями вместе со своим товарищем Николаем Турчаком. Колю посекло камнями, но все остались живы.

— Ловко ты спрятался, — морща от боли, заметил Николай.

— Прапорщик всегда найдет, куда смыться, — отшумился Олег. — Я еще когда сержантом был, одного грунтового дядю в чине подполковника выпихнул из-за камешка, когда душманы нас обстреляли.

Десантники тогда попали в засаду. Комбат Попович не выговаривал букву "р", и оттого команды его звучали смешно. Он крикнул в радио: "Блоня-1, блоня-1, дайте огня". Броня дала огня штатными, как и велел Попович. В ущелье, в замкнутом пространстве стрелять штатными — это наверняка оглохнуть. А потом оглушенных своими же залпами десантников обстреляли духи. Пришлось тесниться за валуном вместе с подполковником, не давая себя выпихнуть из спасительного убежища.

Юмора на грани с трагическим на войне хватало. Пошутить Олег любил. Если бы не его веселый нрав, он бы, наверное, там не выжил...

Со своим напарником Андреем Пикуликом Олег частенько придумывали разные шутки. Как-то раз они заметили, что доктор, человек гражданский до мозга костей, однако имевший погоны капитана, с интересом разглядывает тротил. Даже бумажку, в которую тротил был упакован, развернул.

— Это что за мыло в бумажках? — спросил доктор.

— Толик, да это же тротил, — усмехнулся Олег.

— Да? — очень удивился Толик.

Олег ему объяснил свойства этого "мыла". Доктор уважительно положил тротил на место.

На следующий день, взяв кусок солдатского мыла, Олег с Андреем просверлили дырочку в мыле и вставили в отверстие бикфордов шнур. Получилось очень натурально.

Они зашли в модуль, где размещалась медчасть. Доктор лежал на кушетке и читал книжку. Круглое пузико добродушного доктора вздымалось от мерного дыхания. Умный, хороший мужик был этот доктор. Но совершенно неспортивный и совершенно невоенный.

— Толик, ты нам спирту не дал, — торжественно и чуть грустно констатировал Олег.

— Не дал, — охотно согласился доктор.

— Ну, тогда мы решили тебя взорвать.

И кусок мыла с зажженным бикфордовым шнуром Олег положил на круглое пузико доктора. Акробаты бы позавидовали ловкости неспортивного доктора. Откинув тротил в сторону, он сделал невероятный кульбит, распахнул дверь и успел ее аккуратно за собой закрыть.

Потом, когда началась горбачевская борьба с пьянством, заместитель командира полка Федор Анисимович Тарханов, который был ответственным по полку, построил личный состав и заявил:

— Каждый уважающий себя офицер и прапорщик должен прйти и доложить, увидев, что его сосед по комнате выпивает.

А тут как раз было 23 февраля. Напиваться никто не напивался, но понемногу выпили все. Пикулик вскочил:

— Так, все тихо. Сидите, я сейчас.

Дверь в комнату Тарханова была как раз напротив. Пикулик постучал:

— Товарищ майор, разрешите доложить, выпили по первой.

Тарханов в крик, а среди празднующих хотят.

Так же, как с бестолковыми приказами, шло постоянно противоборство с особым отделом. Да и как у Олега могли сложиться отношения с сотрудниками этого отдела, если он четыре раза отказывался от настойчивых предложений вступить в партию? Четырежды на глазах особист рвал

представление к награде. Такие вещи тогда были в ходу. Существовал лимит на награды. Совершил что-то героическое, представили героя к награде, но, пока он ее не получит, пусть он хоть десять геройских поступков совершил, к новой награде его не представят.

Андрей Макаров, земляк Олега, три раза от ранений почти умирал там, в Афгане, героем был настоящим, но звание Героя Советского Союза ему не дали, потому что у его отца была судимость. Получил орден Красного Знамени, остался без ноги, а другая нога покалечена так, что спустя семнадцать лет после войны она не живает. Ненужный никому, кроме своих же ребят, "афганцев"...

Разные люди попадались на войне. Были такие, которые за "други своя" голову сложат, а были и те, кто лишь себя берег, боялся, как бы не перетрудиться. Олег не выносил таких бойцов. И однажды, возвращаясь к бронегруппе после сложной спецоперации, один боец, Павлов, начал тормозить всех остальных, дескать, сил у него нет, идти он не может. А на подходе к бронегруппе чаще всего душманы устраивали засады. Группа уже видела своих, бойцы психологически расслаблялись, и очень трудно бывало выбраться из такой засады. Олег опасался именно этого. Двадцатичетырехлетний, горячий, он еще не научился как следует сдерживать себя и заявил бойцу:

— Павлов, ты меня достал. Не хочешь идти, так мы тебя пристрелим. Спишем на потери. Орден Красной Звезды тебе посмертно дадут. Семья продуктов получит из продларька. Пиши расписку, что пристрелили мы тебя по собственному желанию.

Расписку перепуганный Павлов написал, но и до бронегруппы дежал в первых рядах. И, конечно, сразу помчался жаловаться в особый отдел. Весь взвод таскали потом в отдел на допросы, выясняя, что же произошло на самом деле. Никто ничего не сказал. Павлов мирно дослужил во взводе. И в мае, а в Кабуле жарко в это время, Павлов по настоянию Олега поехал домой во всем положенном ему обмундировании. В зимней шапке, в сапогах, в шинели, в

двух парах кальсон и даже трехпальые рукавицы Олег ему выдал. В таком виде и посадил в самолет.

И другие ребята, такие, как белорусский паренек Евсейчик, – они навсегда в памяти Олега...

Две операции, самые кровавые и страшные – они были одна за другой – Кунар и Панджшер.

...Незадолго до начала Кунарской операции Олег увидел бойцов, одетых в новые десантные комбезы и тельняшки. Оказалось, что это 149-й мотострелковый полк реорганизовали и создали горно-штурмовой полк. Именно этот полк должен был участвовать в Кунарской операции.

А разведроту десантников отправили прикрывать прохождение советской колонны. Так как операция была армейской, с участием "зеленых" – афганских военных, действия были не согласованы.

Афганские вертолетчики высадили десантников "за карту". Вероятнее всего, местность, где они оказались, была не афганской, а уже пакистанской территорией. Четко очерченной границы между Афганистаном и Пакистаном нет, а горы что там, что здесь – одинаковые.

"Сообщите свои координаты", – требовали по радио. "Мы рады, но у нас карты нет". – "Немедленно уходите оттуда".

Взяли нужное направление и пошли. Без воды, без еды – никто ведь не рассчитывал на длительный переход. Информация о том, что десант высадили не там, где надо, утекла к душманам. И четырежды десантники попадали в засаду. Несли раненых и погибших товарищей на себе. У половины бойцов это была первая операция в Афганистане – они только неделю назад приехали из Союза. Рядовому Евсейчику стало плохо. Олег велел разгрузить его. Надо было торопиться, их преследовали духи. Евсейчик шел до последнего. Он надел РД, прошел метров пять и упал замертво – сердце не выдержало бешеною нагрузки. Не от пули погиб, но, как настоящий боец, не жаловался и не сдавался...

Васильев умирал долго. Это был боец из другого взвода. Когда группа напоролась на очередную засаду, раненый Васильев ока-

зался в нескольких метрах от Олега, выше по склону. Но помочь ему никто не мог, духи лупили так, что головы нельзя было поднять.

Через реку по канатной дороге к десантникам пытались пробраться душманы с другого берега – эти тоже больше походили на наемников. Таких, в черных комбинезонах, Олег видел впервые. Одного на канатной дороге уничтожили, второй свалился в реку сам.

К своей бронегруппе десантники выбирались полтора дня, тридцать километров прошли, потеряв бойцов, измотались. Через три часа после возвращения десантников из бессмысленного тридцатикилометрового марша отправили выполнять задачу, с которой не справился десантно-штурмовой полк. А время уже было упущено, и, хотя всю ночь десантники карабкались в гору, добраться до нужной точки вовремя не успели.

Начался рассвет. Первая цепь десантников вместе с начальником разведотдела Капустиным оказалась метрах в десяти от вершины. Сверху по-русски крикнули: "Эй, десантники, тут женщины и дети!" И тут же вниз полетела ручная граната. Бойцов накрывало беспрерывными взрывами.

Больше всего досталось десантникам из разведдозоров, тем, кто поднимались на склон первыми. Убитых и раненых проносили мимо Олега. Старшему лейтенанту из разведроты 17-го полка, корректировщику артразведки, оторвало руку. Владимир Задорожный накрыл собой гранату. Он только и успел сказать: "Эх, мужики..."

После Кунарской операции 1985 года, кровавой, бестолковой, с огромными потерями, за которую двое бойцов получили звание Героя Советского Союза посмертно, не прошло и недели, как десантников отправили на Панджшер. Известный полевой командир Ахмадшах-Масуд, возглавлявший сильную многочисленную группировку, олицетворявший власть на Панджшере, прозванный панджшерским львом, – он был целью проводимой операции.

Однако сколько ни было столкновений советских войск с его группировкой, победителем выходил горный лев. Итог Панджшерской операции не был исключени-

ем. Советские войска понесли большие потери, а Ахмадшах так и остался цел и невредим.

Южные районы Афганистана практически не контролировались местной властью. Афганские военные, за редким исключением, воюя были неважные. Олегу запомнился только один афганец. У него было три ордена Славы. Он стрелял из ПК навскидку, несмотря на косоглазие, без проблем попадал в цель. Душманы вырезали всю его семью, и руководствовался он, скорее, не политическими мотивами, а кровной местью.

И на фоне этих страшных боев была непорядочность чиновников, всех тех, кто на войне хотел нагреть руки. Снабжали войска стимулирующими таблетками, якобы безвредными. Съел таблетку – хорошо себя чувствуешь, нет сонливости и усталости после тяжелого марша или после боя. Но затем начинались проблемы с почками, печенью, сердцем, бессонница, сдвиги в психике. Таблетки выдавали и заставляли их принимать, особенно механиков-водителей, чтобы не заснули, когда колонна на марше, в обязательном порядке – наводчикам и десантникам перед боевыми выходами. Но в горах, где находились десантники, никто не контролировал прием этих "безвредных" препаратов, и многие поэтому сохранили здоровье.

Приезжали из штаба тыла с нововведениями. Пошли бойцам "слюнявчики", как прозвали прототип разгрузочного жилета. Бойцам объяснили, что в какие карманы класть – сюда банку каши, сюда гранату, сюда фляжку.

– Товарищ полковник, – не сдержался Олег. – А ползти как?

– Вы же тут не ползаете, вы тут ходите.

Олег попросил бойца надеть этот жилет, наполнить его, как сказал полковник, и проползти несколько метров по-пластунски. Уже не говоря о том, что вся начинка жилета отдавила живот и грудь бойца, все из карманов вылезло. А ведь кто-то за этот "слюнявчик" звездочки на погоны получил или даже медаль.

Зато как были удобны китайские "лифчики". Олег и бронежилет с ним не носил. Семь магази-

нов, сигналки, граната, карта – всему места хватало и ничего в бою не мешало.

Вообще же, чтобы в бою было удобно, Олег снаряжался сам, как потом частенько делали бойцы во время чеченских войн. Олег носил итальянские ботинки горных стрелков, пакистанскую куртку, американскую кепку, французские очки. Спальник себе приобрел английский, потому что он весил четыреста граммов, а наш, ватный, пять килограммов. Наш бушлат – опять же ватный, а импортная куртка на гагачьем пуху, легкая, влагу не впитывает и теплая, с капюшоном, что было очень кстати в холодном горном климате.

Также от командования, от чиновников, военных и политических, не поступало никаких указаний насчет плена. Этот вопрос старательно обходили стороной. Когда нескольких пленных бойцов из 180-й дивизии забили ломами местные, то эти фотографии повесили во всех частях, перед модулями, недвусмысленно намекая, что бывает с теми, кто попадает в плен. Посмотрел фотографию, понимай как хочешь.

Те, кто воевал, эти вопросы решали по-своему. Когда у десантников взяли раненого парня в плен, то десантники сразу предупредили старейшин, что отрежут головы всем в кишлаке, если раненого не вернут. Бойца привели тут же.

А были и такие вояки, которые сами стремились сбежать к духам. Василий Горбань с Западной Украины пытался сбежать два раза. Борзовиков из 8-й роты 57-го полка ушел к духам и долго воевал под началом Ахмадшаха. Из зенитки лупил по нашим вертолетам. Потом его убили.

Олег видел одного дембеля 1980 года на гауптвахте в Кабуле, обросшего бородой. Его задержали в 1986 году, узнали, что он русский солдат. К тому времени у него было уже две жены в Афганистане. Дезертира отправили в Ташкент, и о дальнейшей его судьбе Олег ничего не знал.

Дезертира Мочилина из банды доктора Ханаги Олегу довелось менять на трех сыновей муллы из этой же банды, которые сидели в

тюрьме. Доктор, главарь банды, в молодости учился в Киеве в медицинском институте и встретил десантников приветствием: "Здорово, хлопцы!" Олег тоже сказал: "Здорово!" – а сам смотрел за спину доктора, где залегли духи, человек сто с автоматами и пулеметами. К счастью, обмен произошел мирно. Мочилину дали семь лет за самовольное оставление части, а затем благополучно амнистировали...

Не только о пленных скрывалась информация. Отчего-то никто на базе в Кабуле бойцам не объяснил, что такое "лепестки", как они выглядят и какую несут опасность. Слухи ходили о таких минах, но говорили, что через две недели после того, как их сбросили, они самоликвидируются. Нарвались бойцы на них впервые на Панджшере. Лейтенант из 2-го батальона пнул ее ногой, и ногу ему оторвало. Оглянувшись, Олег увидел, что весь склон усеян этими пластиковыми "лепестками". Неужели надо было показывать на примере этого лейтенанта, что такое "лепестки"?

Мины, подрывы – это чаще было хуже, чем боестолкновение. В нескольких шагах от Олега сапер сорвал растяжку. Американская мина разорвала сапера, Олега выкинуло с тропы, и осколок попал в ногу. Спасло только то, что Олег был без бронежилета. И все равно он слишком сильно ударился позвоночником. Получил контузию и компрессионный перелом позвоночника.

Олега одели в кожаный корсет. Запретили поднимать тяжести, бегать, прыгать. Но, походив в корсете, Олег вспомнил опыт Маресьева и стал прыгать, подтягиваться, бегать, убегая от гарантированной инвалидности.

До самого конца войны, до вывода войск, Олег оставался в Афганистане. Часто ездил вочные патрули по Кабулу, навсегда запомнил эти улицы, дома.

Когда проводилась операция "Магистраль" в 1988 году под вывод войск, Олег впервые за все время увидел парашютный десант на Хосте, единственный в своем роде, и то это были мешки, а не люди. Купола снизу было видно, а что под ними – нет. Духи из ук-

репрайона стали стрелять по мешкам. Войска засекли огневые точки и погасили их мощным огнем.

Чем дальше афганская война, тем больше появляется "героев" этой войны, которые думают, что все забыто и желаемое можно выдавать за действительное. Но разве можно забыть, как замполит батальона закричал: "Нас тут всех перебьют!" – бросил РД, убежал к бронегруппе, а потом, получив два ордена, стал героем? И все это было на глазах восемнадцатилетних мальчишек-бойцов, оказавшихся настоящими мужчинами и воинами, многие из которых погибли, сложили голову в чужой стране. Но ведь погибли они как настоящие герои.

Нельзя их забывать. Нельзя предавать и тех, кто выжил. Если мы будем забывать своих солдат, наших российских "афганцев", "чеченцев", о каком патриотизме и какой сильной армии можно говорить?

Ирина ДЕГТАРЕВА

На снимке: Олег Гонцов (стоит) – руководитель музыкальной группы "Ростов".